

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Coe)-44  
Л59

Серия «Королева любовного романа»

Johanna Lindsey

ANGEL

Перевод с английского *В. Кайдалова*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

**Линдсей, Джоанна.**

Л59 Ангел : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. В. Кайдалова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Королева любовного романа).

ISBN 978-5-17-117264-0

Этого загадочного человека называли Ангелом. По пятам за ним следовала слава самого быстрого, самого отчаянного, самого безжалостного стрелка во всем буйном Техасе. Он не верил ни во что, кроме своего смертоносного кольта... до той поры, пока его помощи не попросила юная и невинная Касси Стюарт.

И тогда Ангел понял, что на свете есть то, о существовании чего он и не подозревал, — любовь....

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Coe)-44

© Johanna Lindsey, 1992

© Перевод. В. Кайдалов, 2016

ISBN 978-5-17-117264-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

## Глава 1

*Техас, 1881 год*

Полдень... Именно тот час, который во многих городках Дикого Запада ассоциируется со смертью. Не был исключением из правил и этот городок. Само время должно было 7 июня подсказать людям, которые понятия не имели о происходящем, что должно случиться, когда народ стал стремительно покидать улицу. Лишь одно-единственное событие могло вызвать такое бегство в эту пору.

Полдень... Время, когда ничто не сможет помочь, когда внимание не отвлечено на малейшее колебание тени, когда опускающееся к горизонту солнце не слепит глаз и не выкидывает никаких трюков. Именно в это время дня поединок происходит максимально честно. Никто не остановится поглазеть, не растерялся ли вызванный на поединок, никто не найдет предосудительным, если кого-то вынудят принять вызов. У человека, который зарабатывает себе на жизнь револьвером, не так уж много других вариантов.

Улица почти опустела, лишь из окон домов выглядывали любопытные, жаждущие увидеть смерть. Даже ноябрьский ветерок поутих, дав возможность пыли, кружащейся в ярких лучах солнца, осесть на землю.

С северного конца улицы появился зачинщик поединка Том Прайн, именовавший себя Грешник Том. С момента, когда он вызвал своего противника, прошел уже почти час — время, вполне достаточное для того, чтобы решить, не был ли его вызов чересчур поспешным. Подумав, он сделал вывод, что не был, хотя нервишки Тома и пошаливали, впрочем, как и всегда перед очередным поединком. Да когда же наконец он станет таким же спокойным, какими выглядят в подобных передрягах другие мужчины!

Тома не страшило убийство. Ему нравились ощущения мощи и триумфа, переполнявшие его после победы, удивительное чувство собственной неуязвимости. И еще страх. Господи, как же ему нравилось, когда окружающие боялись его! Не важно, что перед каждым новым поединком ему приходилось подавлять свой собственный страх. Все, что следовало за схваткой, стоило этого.

Он искал приключений, подобных нынешнему, искал возможности сделать себе имя. Его прозвище, то, которое он себе присвоил, еще не было известно так широко, как ему хотелось бы. На Юге пока никто и не слыхивал о Грешнике Томе. Черт побери, да его сразу же забыли даже в его родных местах! Ведь до сих пор ему приходилось участвовать в револьверных схватках с таким же отребьем, как и он сам.

Но его сегодняшний противник, Ангел, был совсем из другого теста. Это имя было у всех на слуху. Кое-кто называл его Ангелом Смерти, и для этого были основания. Никто не смог бы перечислить всех, кого он отправил на тот свет. Поговаривали, что и сам Ангел потерял им счет. Он имел репутацию не только скорого на руку, но и удивительно меткого стрелка.

Том в меткости уступал ему, но он куда быстрее выхватывал револьвер и отлично знал об этом. И еще он совершенно точно помнил, скольких людей убил — карточного шулера, двух фермеров и помощника шерифа, который весь прошлый год пытался поймать его, считая, что он заслуживает петли за убийство безоружного человека. Про помощника шерифа, впрочем, никто не знал, и это было хорошо. Том хотел сделать себе имя, но отнюдь не жаждал красоваться по всей округе на плакатах с надписью «Разыскивается».

На его пути к вершинам славы были и другие поединки; где-то в половине из них он преуспел, побеждая в основном за счет скорости, с которой выхватывал револьвер, — его противники были так напуганы его ловкостью, что просто бросали оружие и сдавались. Том надеялся, что нечто подобное произойдет и сегодня. Конечно, Ангел не бросит свой револьвер, но Тому хотелось думать, что его противник тоже будет обескуражен, а у него останется времени как следует прицелиться. Когда же дым рассеется, именно он, Том, окажется победителем.

В этом городке он провел всего два дня. И уже сегодня покинул бы его, если бы не услышал, что прошлой ночью сюда приехал сам Ангел. А вот о его собственном приезде никаких слухов не возникало. Зато после сегодняшнего поединка они будут.

Ангел, которого Том остановил утром сразу же после того, как тот вышел из отеля, нисколько не походил на человека, которого ожидал увидеть Том. Он почему-то думал, что знаменитый дуэлянт выше ростом, старше, да и не должен выглядеть таким абсолютно безразличным, когда его вызывают на поединок. Противник же вел себя так, словно беспо-

коиться ему совершенно не о чем. Но Том не позволил себе размышлять над всем этим.

Он преградил Ангелу дорогу и произнес громко, чтобы слышали все окружающие:

— Ангел! Я слышал, вы довольно споро управляетесь с револьвером, но хочу сказать, что я делаю это быстрее.

— Очень рад за вас, мистер, и не стану с вами спорить.

— А вот я намерен это доказать. Ровно в полдень. Не разочаровывайте меня.

Только уходя, Том осознал, сколь холодны и бесстрастны были глаза Ангела — черные как смертный грех глаза безжалостного убийцы.

И теперь Ангел с адским спокойствием ждал приближения вызвавшего его человека. Том двигался по самому центру улицы, но был еще довольно далеко.

Со стороны никто не заметил бы в хладнокровном убийце ни малейшего признака гнева. То, что он намеревался сделать, не стоило никаких эмоций, ибо в корне отличалось от убийства человека, который заслужил того. Этого же молокососа он совершенно не знал, не ведал и того, какие грехи лежали на его совести, скольких людей он убил, пытаясь сделать себе имя, и убил ли он вообще кого-нибудь. Ангел решительно не хотел этого знать.

Знание подробностей не изменило бы того, что он собирался сделать, однако лишило бы его ощущений бесстрастного исполнителя. Хотя большинство юных искателей славы остерегались сразу начинать с него, с Ангела. Прежде чем предпринять попытку сделать себе имя, они, как правило, уже имели за спиной несколько поединков, а это значило, что у них на совести несколько убийств — стало быть,

невинные люди уже пали жертвами их мечты приобрести репутацию бретера. Ангел убивал подобных авантюристов без всякого сожаления. Делая это, он смотрел на себя как на исполнителя приговора, очищавшего мир от подобной мерзости быстрее, чем это сделал бы закон, и спасавшего тем самым жизни невинных людей.

Его собственная известность была одновременно и проклятием, и благословением. Она притягивала к нему искателей славы. И ничего нельзя было с этим поделать. Но она порой и упрощала его задачу, потому что многие старались держаться от него подальше, спасая этим свои жизни. Он же терпеть не мог убивать людей, все преступление которых состояло в том, что они работают не на того хозяина.

Он был наемным убийцей. И отдавал себе в этом отчет, так же как и в том, что он один из лучших в своем деле, весьма недурно к тому же оплачиваемом. Его можно было нанять практически для любого задания, если предложенная сумма оказывалась достаточной. Заказчики были приучены не предлагать ему примитивных убийств для сведения счетов, потому что рисковали найти свой конец от его руки, если бы позволили себе что-то подобное. Он не видел разницы между человеком, который спустил курок револьвера, направленного на ничего не подозревающую жертву, и человеком, который нанял его сделать это. В его понимании оба были убийцами.

Ангел не оправдывал себя за ту жизнь, которую вел. Хотел, чтобы она сложилась по-другому, но судьба распорядилась иначе. И хотя инстинкты побуждали его скорее к милосердию, он разделял убеждения того человека, который научил его, как защищать себя с помощью револьвера:

— Совесть — вполне законное чувство, но в поединке ей нет места. Если уж ты собрался стрелять, то постарайся убить своего противника, иначе он вернется и будет преследовать тебя и однажды темной ночью в глухой аллее пустит тебе пулю в спину, потому что как-то раз уже пытался убить тебя в честной схватке и теперь знает, что ты быстрее управляешься с револьвером и у него нет ни малейшего шанса превзойти тебя. Именно это и произойдет, если ты только ранишь человека, хотя может случиться и так, что он решит, будто ты ловкий, но целишься плохо. В этом случае он встретит тебя лицом к лицу, а там уже дело случая — как тебе повезет. И чертовски стыдно, если ты встретишь свою смерть от руки человека, которого мог бы убить, но не стал этого делать.

Три раза Ангел смотрел в лицо смерти, сходясь с отъявленными негодяями, пока не усвоил кредо своего учителя. Три раза спасся, хотя и с помощью посторонних. Три раза оставался в долгу, а он был не из тех людей, которые чувствуют себя спокойно, имея за душой долг. Дважды расплачивался, второй раз совсем недавно.

Он появился в этом городке, надеясь заплатить по третьему из счетов. И как раз отправился разыскивать Льюиса Пикенса, чтобы разобраться с ним, когда дороге ему преградил этот мальчишка.

Ему удалось узнать только прозвище юнца — Грешник Том. В книге приезжих в гостинице значилось именно оно. Парень был в городе проездом, как и сам Ангел, и никто не мог сказать, кто этот Грешник Том — матерый убийца или всего лишь молодой дурак. Черт возьми, Ангел терпеть не мог неопределенности, не любил убивать вслепую. Он не искал этого поединка,

8                    пытался уклониться от него, но, коль скоро вызов прозвучал, не мог отклонить его. Греш-

ник Том почему-то страстно желал убить его. Ангел должен был принять к сведению его желание, чтобы избежать упреков совести.

Грешник Том с явным наслаждением растягивал время, медленно приближаясь к противнику. Двадцать футов, пятнадцать... Наконец в десяти футах он остановился. Ангел предпочел бы стрелять с большего расстояния, но сейчас выбор был за его соперником. Ему приходилось слышать, что на востоке человек, которого вызвали на поединок, имел право выбирать оружие, мог даже сражаться на кулаках, если хотел. Происходи все там, Ангел с удовольствием вколотил бы в этого юнца немного ума, вместо того чтобы убивать его. Но на Западе все иначе. Здесь, если ты носишь на поясе револьвер, то должен им воспользоваться.

Подбитая мехом куртка Тома уже была расстегнута и распахнута, руки напряженно застыли у пояса — он был готов к поединку. Очень медленно Ангел распахнул свой макинтош. Не глядя на руки своего противника даже для того, чтобы понять, не дрожат ли они, он смотрел в его глаза.

Наконец решил в последний раз попытаться кончить дело миром.

— Мы не должны делать этого. Здесь вас совершенно никто не знает. Вы можете просто уехать отсюда.

— Забудьте об этом, — ответил юнец, окончательно успокоившись, — он решил, что Ангел боится драться с ним. — Я готов.

Поблизости никого не было, так что никто не слышал вздоха Ангела.

— Тогда приготовьтесь к смерти, мистер. Не в моем обычае ранить противника.

Том Прайн, двадцати одного года от роду, тоже не имел намерения ранить кого-то, да



и с револьвером он обращался проворнее. Он выхватил и вскинул револьвер секунды на две раньше Ангела. Этого времени ему вполне хватило бы, чтобы надежно прицелиться, если бы у него хватило терпения, но Том в поисках славы действовал торопливо и безрассудно. Пуля из его револьвера, просвистев в дюйме от плеча Ангела, зарылась в грязь в дальнем конце улицы. Ответное движение Ангела было молниеносным. Том не мог бы предупредить его, даже если бы и захотел, а прицел опытного стрелка оказался смертельно верен.

Том Прайн приобрел некоторую известность, хотя слава его не разнеслась столь далеко, как он того желал. О нем говорили еще довольно долго после этого происшествия, а эпитафия на его могиле гласила: «Здесь покоится Грешник Том. Он бросил вызов Ангелу Смерти и проиграл».

Владелец похоронного бюро в этом городишке определенно отличался профессиональным чувством юмора.

## Глава 2

Поравнявшись с камином, Кассандра Стюарт изящным движением положила в огонь полено. Лежавшая в противоположном углу комнаты кошка подняла голову и недовольно фыркнула. Девушка взглянула на кошку и пожалала плечами.

— Извини, Марабелла, — сказала Касси, словно поняла причину недовольства зверя. — Приходится...

И Касси, и ее любимица пантера привыкли к куда более холодной погоде Вайоминга, где они обе выросли. Здесь, на юге Техаса, где находилось ранчо отца

Кассандры, температура обычно не опускалась  
10            ниже пятидесяти градусов по Фаренгейту даже

в самые холодные дни декабря. Одного полена вполне хватало, чтобы прогнать холод из спальни. А уж двух... Через несколько минут стало так жарко, что девушка вынуждена была раздеться и осталась в тонкой кофточке и нижней юбке.

Небольшой письменный стол в углу, смотреть на который она упорно избегала в течение получаса, по-прежнему укорял ее одним своим видом; там были аккуратно разложены письменные принадлежности, сверкала чернильница с открытой крышкой, ярко горела настольная лампа, освещая заточенные перья. Отец подарил ей этот старинный письменный прибор сразу же после того, как она переехала сюда. И она во всех подробностях описывала свою жизнь матери, аккуратно посылая ей письма раз или два раза в неделю — по крайней мере так было почти два месяца.

Но теперь молчание Кассандры слишком затянулось. И сегодня днем от матери пришла телеграмма: «ЕСЛИ НЕ ПОЛУЧУ ОТ ТЕБЯ ИЗВЕСТИЙ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ, ПРИЕДУ САМА».

Последние слова — явное преувеличение, по крайней мере так хотелось думать Касси. Впрочем, мать вполне способна выполнить свою угрозу, хотя это было бы слишком. И отцу очень не понравится. Но ему в такой же степени не понравится и то, что благодаря дочери соседи по ранчо стали его заклятыми врагами.

И Касси сразу же написала и отправила по почте несколько слов — мол, пишет большое письмо, в котором все объяснит. Теперь уж пути для отступления не оставалось. Но она рассчитывала, что Миротворец все же вот-вот появится на ранчо. Тогда Касси сможет надеяться на то, что все уладится и беспокоиться будет не о чем.

Она издала звук, напоминающий стон, и звук этот заставил изящную черную кошку покинуть свое место и подойти к письменному столу, чтобы взглянуть, чем занята ее хозяйка. Марабелла всегда очень тонко чувствовала настроение Касси. И теперь не успокоилась, пока Касси ласково не почесала у нее за ухом.

После этого девушка решительно взяла в руку перо.

«Милая мамочка,

Думаю, тебя не удивит известие, что я снова попала в переделку. Уж не знаю почему, но мне пришло в голову, что мне удастся положить конец той семейной вражде, которая длится уже целых двадцать пять лет. Как бы там ни было, но мой оптимизм снова подвел меня. Ты уже, наверное, поняла, что я имею в виду соседей папы — Кэтлинов и Маккейли, о которых я тебе уже рассказывала в своем первом письме...»

Касси приехала на ранчо своего отца во второй раз в жизни. Когда она впервые увидела дом, построенный отцом десять лет назад, он поразил ее прежде всего тем, что представлял собой точную копию их дома в Вайоминге, который отец когда-то покинул. Было впечатление, что она никуда и не уезжала, и это ощущение не исчезало, пока она не вышла во двор.

Отец уже давно звал Касси в гости, но мать наотрез отказывалась разрешить дочери отправиться в путь одной, пока ей не исполнилось восемнадцать лет — было это два года назад. Сама же Катарина Стюарт поклялась, что ноги ее в доме бывшего мужа никогда не будет. Она не виделась с ним уже десять лет, с того

12           го дня, как он уехал из Вайоминга, а до этого

еще столько же лет не разговаривала с ним, хотя они и жили в одном доме, пока Касси не исполнилось десять. Их взаимоотношения, вернее отсутствие оных, были той самой сферой, в которую Касси никогда не позволяла себе вторгаться. Ей так хотелось, чтобы все сложилось по-другому, но родители терпеть не могли друг друга.

Вернувшись домой после первой поездки к отцу, Касси рассказала маме все про Кэтлинов и Маккейли, а также про свою новую подругу Дженни Кэтлин, девушку на два года моложе нее. Теперь Дженни была погружена в меланхолию, ведь она вступила в тот возраст, когда юные леди начинают мечтать о замужестве, а единственный во всей округе более или менее симпатичный, по ее словам, молодой человек являлся одним из четырех сыновей Маккейли — их заклятых врагов.

Касси раньше не могла даже представить себе, что Дженни может когда-либо войти в семью Маккейли. Потом ей пришло в голову, что Дженни, наверное, смотрит на это семейство другими глазами, нежели ее мать и старший брат. От Касси не укрылось, как Клайтон Маккейли, младший из четырех братьев, частенько поглядывал в церкви на Дженни, а ее подруга каждый раз краснела, когда чувствовала на себе его взгляд.

«Тебя, мамочка, думаю, не удивит и то, что я умудрилась втянуть в эту старую историю и Стюартов — во всяком случае это касается меня. Папа до сих пор ничего не знает, но когда узнает, то это определенно не доставит ему удовольствия. Я-то уеду, а он, бедный, останется и будет жить с ними дальше.

Ты не спеши его бранить за то, что он позволил мне вмешаться во все это, ведь его в тот

момент здесь не было, так что остановить меня было некому.

Все началось незадолго до его отъезда, вскоре после того как я приехала, но он сначала ничего не знал — мы тщательно от него скрывали. А потом папа получил письмо от одного человека с севера Техаса, которого он два года уговаривал продать ему бычка-производителя. Человек этот написал, что готов продать бычка. Так что не ругай папу, что он оставил меня одну и отправился за покупкой, — он думал, это займет не больше двух недель, а мне уже двадцать лет, и я должна бы прекрасно справляться со всем хозяйством. Так и было бы, если бы не это дело. Он, правда, хотел, чтобы я поехала вместе с ним, но я упросила его оставить меня, потому что я уже... да, не так просто все это описать. Мне очень захотелось снова выступить в качестве свахи, и, к сожалению, на этот раз я преуспела в данной роли.

Мне удалось убедить Дженни Кэтлин и Клайтона Маккейли, что они любят друг друга. Но ведь, мама, мне казалось, что так оно и есть. Они так были рады, когда я сообщила им это. Мне не составило никакого труда устроить их свидание, а потом помочь уехать в Остин, чтобы тайком там обвенчаться. К сожалению, в первую брачную ночь они поняли, что никакой любви между ними нет, а весь этот роман — лишь плод моего воображения.

Совершенно ясно, что я испортила им жизнь, но в этом нет ничего удивительного. Как ты прекрасно знаешь, мне и раньше часто удавалось все портить. Разумеется, я попыталась поправить дело. Я поехала на ранчо Кэтлин, намереваясь объяснить, что действовала из самых лучших побуждений, хотя  
14 и ошиблась. Но Дороти Кэтлин не захотела

даже разговаривать со мной. Ее сын Бак посоветовал мне уехать из Техаса и никогда здесь больше не появляться».

Вообще-то Бак выразился куда крепче, но знать об этом маме было вовсе не обязательно, как не следовало ей знать и про то, сколь несдержан он был в своем гневе. Лучше не рассказывать маме и про угрозы семьи Маккейли — эти люди установили срок, к которому Касси следовало обратиться, иначе они грозились сжечь ранчо ее отца. Не стоило упоминать также и о том, что Ричард Маккейли перехватывал ее почту, а потом говорил, что письма пропадают, вот почему она не получила от матери за последние шесть недель ни одного письма. Не следовало писать маме и о том, что как-то раз Касси обнаружила, что на полу и на сиденье ее кареты разбросаны кости, а троих наемных работников отца соседи угрозами вынудили взять расчет и уехать. И уж совершенной ерундой на этом фоне выглядела записка, которую подсунули под ее дверь. В записке говорилось, что если ее кошка еще хоть раз выйдет за границы их ранчо, то Касси обязательно пригласят на барбекю из кошатины.

Не следовало маме знать и о том, что Сэм Хедли и Рафферти Слэйтер, батрачившие на семейство Кэтлинов, подловили Касси во время ее поездки в ближайший городок и напугали так, что теперь, выбираясь в город, она непременно вешала на пояс свой добрый «кольт» на потеху всех праздных зевак на улицах.

И уж вполне определенно она не собиралась сообщать маме о том, что отец, уехавший из дому две недели назад, застрял еще минимум на три, поскольку ненаглядный бык лягнул его так, что папа, упав, сломал ногу и два ребра. Вместо всего этого она напишет так: